

Павел Басинский

Павел Басинский

ЛЕВ

В ТЕНИ ЛЬВА

История
любви и ненависти

ЕШ
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Б27

Художник *Андрей Рыбаков*

Издательство благодарит за предоставленные
фотоматериалы Государственный музей
Л.Н. Толстого в Москве

Басинский, Павел Валерьевич

Б27 Лев в тени Льва / Павел Басинский. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 509, [3] с. – (Литературные биографии Павла Басинского)

ISBN 978-5-17-089036-1

В 1869 году в семье Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых родился третий сын, которому дали имя отца. Быть сыном Толстого, вторым Львом Толстым, — великая ответственность и крест. Он хорошо понимал это и не желал мириться: пытался стать врачом, писателем (!), скульптором, общественно-политическим деятелем. Но везде его принимали только как сына великого писателя, Льва Толстого-маленького. В шутку называли Тигр Тигрович. В итоге — несбывшиеся мечты и сломанная жизнь. Любовь к отцу переросла в ненависть...

История об отце и сыне, об отношениях Толстого со своими детьми в новой книге Павла Басинского, известного писателя и журналиста, автора бестселлера «Лев Толстой: бегство из рая» (премия «БОЛЬШАЯ КНИГА») и «Святой против Льва».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-17-089036-1

© Басинский П. В.
© ООО «Издательство АСТ»

ВЫРАЖАЮ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ВСЕМ,
КТО ПОМОГАЛ МНЕ В НАПИСАНИИ КНИГИ:

советнику президента по культуре
В. И. Толстому, директору Государственного
музея Л. Н. Толстого Н. А. Калининой,
заместителю директора музея по научной
работе Л. В. Калюжной, главному хранителю
рукописей фонда Л. Н. Толстого
Т. Г. Никифоровой и сотрудникам
музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна».

*Тот, кто понимает Толстого,
не следует за ним. А тот,
кто следует за ним,
не понимает его.*

В. А. Маклаков

Осторожно, Толстой!

Осенью 1916 года у последнего секретаря Льва Толстого Валентина Федоровича Булгакова случилась беда. К нему в Москву из Сибири приехала мама с твердой уверенностью, что у нее рак. При обследовании в Москве известный женский врач Козловский подтвердил ее опасения и посоветовал обратиться к знаменитому гинекологу Владимиру Федоровичу Снегиреву.

Однако добиться его приема было непросто.

– Нужно платить двадцать пять рублей за визит! – сказал «респектабельный» лакей, отворивший парадную дверь особняка Снегирева на Девичьем Поле.

– Эти деньги будут заплачены, но нам важно знать, когда больная будет принята.

– Недели через полторы, в порядке записи.

– А раньше нельзя?

– Никак нельзя.

«Грустные, отошли мы от двери, – пишет Булгаков в воспоминаниях. – Маме, прежде всего, во все не улыбалось проживаться в Москве, в гостинице, а главное, она была так напугана и взволнована страшной болезнью, лечение которой она запустила, что откладываванье решения об операции на каждый лишний день казалось ей едва ли не равносильным смертному приговору».

И тогда Булгаков решил обратиться за помощью к своей «второй матери», которой он считал

Софью Андреевну Толстую. На глазах последнего секретаря Толстого разыгрался весь тяжелейший семейный конфликт, предшествовавший уходу Толстого из Ясной Поляны. Он жил в яснополянском доме и после смерти писателя, с декабря 1912-го по август 1916 года, занимаясь описанием личной библиотеки Толстого. В это время он особенно сблизился с Софьей Андреевной, с которой у него установились сыновьи отношения. Булгакову, когда он впервые поселился в Ясной Поляне в январе 1910 года, незадолго до ухода и смерти Толстого, не было и 24 лет. Настоящие сыновья Софьи Андреевны и Льва Николаевича, Сергей, Илья, Лев, Андрей и Михаил, жили отдельно в своих имениях, в Москве, Петербурге и за границей, бывая в Ясной только наездами с женами и детьми. И так уж вышло, что всегда деликатный и сочувствовавший Софье Андреевне «Булгаша» заменил ей сына.

Профессор Снегирев был близок к семье Толстых. Осенью 1906 года прямо в яснополянском доме он на свой страх и риск сделал Софье Андреевне срочную и сложную операцию по удалению гнойной кисты, на которую в этих условиях не решился бы обычный хирург. Он спас супруге писателя жизнь. Булгаков телеграммой попросил Софью Андреевну замолвить за него слово перед Снегиревым. «На другой день я получил от милой Софьи Андреевны телеграфный ответ, что мое желание ею выполнено».

На этот раз «респектабельный» лакей был предупредителен и о 25 рублях речи не вел.

– Пожалуйте!

Осмотрев маму, Снегирев также определил рак и через несколько дней в лечебнице своего ассистента доктора Полилова, который 10 лет

назад помогал ему оперировать Софью Андреевну, сделал большой операцию. Операция прошла успешно, да и опухоль, к счастью, оказалась не раковой.

«Мы с мамой еще раз ходили в особнячок благодарить профессора. Тут он, оставивши свою бывшую пациентку в приемной, увел меня в кабинет и завел разговор о Толстом.

– Помните, – говорил он, – что Толстой поглощает людей. Всех, кто к нему приближается, он поглощает без остатка, и как бы ни был талантлив тот или иной человек, он, увлекшись Толстым, всё отдает ему, и от него уже ничего не остается...»

Странность этого высказывания была в том, что прозвучало оно из уст человека, который всегда глубоко почитал Толстого. Но еще более интересно, что говорились эти слова спустя шесть лет после смерти яснополянского старца, а говорились при этом так, как если бы Толстой был всё еще жив и опасность «приближения» к нему равнялась бы физической опасности.

«Осторожно, Толстой!»

Булгаков, который не просто любил, а боготворил Толстого, как, впрочем, почти все, кто находился с ним в близких отношениях, слова Снегирева запомнил на всю жизнь. «Слова эти я часто вспоминал потом, когда мне казалось, что я сам стою на границе своего полного «поглощения» яснополянским мудрецом и гениальным человеком. Хотелось спасти остатки «своего»...» И это было написано Булгаковым, чья жизнь непосредственно возле Толстого прошла по касательной, в последние месяцы жизни гения.

Но представьте себе человека, который не просто был близко связан с Толстым, а являлся его родным сыном, его плотью и кровью, и при

Павел Басинский. Лев в тени Льва

этом постарался разделить убеждения отца, стать в буквальном смысле «толстовцем» и пройти весь путь отца, повторяя его во всем, кроме одного, в чем его невозможно было повторить – в его гениальности. Нельзя придумать более несчастной судьбы! Но самым, быть может, роковым обстоятельством этой судьбы стало то, что имя сына было ЛЕВ ТОЛСТОЙ. Это была минутная ошибка родителей ценой в сломанную человеческую жизнь.

Глава первая

ЯША ПОЛЯНОВ

*Один сын – не сын, два сына –
полсына, три сына – сын.*

Народная пословица

Первый роман, третий сын

Лев Львович Толстой, или Лёва, Лёвущка, Лёля, как его называли в семье, был четвертым ребенком и третьим сыном Софьи Андреевны и Льва Николаевича Толстых. Он родился 20 мая 1869 года в Ясной Поляне на том же самом кожаном диванчике, на котором родился Лев Николаевич, его братья и сестра, два первых сына Сергей и Илья и дочь Татьяна...

Роды были тяжелыми и затягивались. Потому кроме обычной в таких случаях акушерки пригласили из Тулы доктора Кнерцера. Но мужчины, Толстой и доктор, так устали ждать, что отправились в лес Чепыж прогуляться. Оставшись вдвоем с акушеркой, Софья Андреевна благополучно родила крепкого мальчика с черными длинными волосами. «Он энергично дрыгал ногами и кричал во всё горло, возвещая о своем приходе в мир, который показался ему враждебным после блаженного покоя под материнским сердцем», – фантазирует по этому поводу автор кни-

ги «Дети Толстого» внук писателя Сергей Михайлович Толстой.

Этой же версии своего рождения придерживался и сам Лев Львович. «Я появился на свет в дамском обществе...» (книга воспоминаний «Опыт моей жизни»). В мемуарах Софьи Андреевны «Моя жизнь» также упоминается доктор Кнерцер, который «ужасно волновался» и «не переставая за ужином ел раков», и ничего не говорится об его участии в родах. Но исключить своего мужа из этого события жена Толстого не могла. И как-то так получилось, что доктора при родах не было, но Лев Николаевич в самый ответственный момент все-таки оказался у двери. «Наконец к 11-ти часам вечера раздался крик ребенка и, как всегда, вслед за ним – рыдания Льва Николаевича».

Эти «рыдания» и «как всегда» выдают Софью Андреевну с головой, тем более что писались ее мемуары гораздо позже. По-видимому, в семье знали, что Льва Николаевича не было при родах: он в это время гулял с доктором в лесу. Отсюда семейное предание. Но у Софьи Андреевны было особое отношение к рождению Лёвы. Недаром в ее мемуарах он упоминается чаще остальных детей. Он не был первенцем, но тревожно долгожданным ребенком. После рождения Сергея, Татьяны и Ильи у жены Толстого случились подряд два выкидыша. Между тем муж страстно мечтал об умножении семьи, а она боготворила мужа. Именно в 1869 году он закончил «Войну и мир» и стал великим писателем. Она помогала ему в создании романа, переписывала частями по нескольку раз, подсказывала какие-то детали для женских образов и даже будто бы втайне от мужа правила неудачные, по ее мнению, фразы. Наконец она знала, что в образ замужней Наташи Ро-

стовой Толстой вложил ее черты, создав образец счастливой семейной женщины. Рождение Лёвы в год рождения «Войны и мира» как бы соединяло две области, правду и художественный вымысел, в гармоническое целое. Наверное, 1869 год был самым счастливым годом в жизни этой семьи.

Мы не знаем причин, по которым третьего в семье мальчика назвали Львом, как не знаем и того, почему так назвали самого Льва Николаевича. Толстой не отличался семейным тщеславием, и до самого позднего времени его дети даже не знали, что их папá – великий писатель. Об этом не было принято говорить в семье. Но можно понять настроение женщины, подарившей любимому мужу долгожданного третьего сына, да еще и в год его величайшего писательского триумфа. А с другой-то стороны, в 1869 году это была еще обычная дворянская семья. В то время никто, ни сам Толстой, не могли подумать, что спустя примерно пятнадцать лет имя Лев станет тяжелым наказанием для мальчика, поводом для насмешек («Как тебя зовут? Ты – Лев Толстой?!») и причиной неисцелимой рефлексии по этому поводу. Да что же это, в конце концов, означает, что он не кто-нибудь, а сам Лев Толстой?!

Это случится позже, когда имя Толстого прогремит по всему миру, когда его идеям будет сочувствовать половина человечества, а вторая половина, по крайней мере, о них знать. А в 1869 году Толстой еще *просто писатель*, написавший огромный семейно-исторический роман, который привел в восторг читающую публику, но отнюдь не большинство критиков. Только Николай Николаевич Страхов написал золотые слова: «Какая громада и какая стройность! Тысячи лиц,

тысячи сцен, всевозможные сферы государственной и частной жизни, история, война, все ужасы, какие есть на земле, все страсти, все моменты человеческой жизни, от крика новорожденного ребенка до последней вспышки чувства умирающего старика, все радости и горести, доступные человеку, всевозможные душевные настроения, от ощущений вора, укравшего червонцы у своего товарища, до высочайших движений героизма и дум внутреннего просветления, – всё есть в этой картине... «Война и мир» произведение гениальное».

Но в это же самое время в газете «Петербургский листок» язвительно замечали: «Гением признает графа Толстого один только Страхов», – а в «Петербургской газете» писали, что над такими критиками «можно порой посмеяться, когда они измыслят что-нибудь особенно дикое, вроде, например, заявления о мировом значении романов графа Льва Толстого». А в газете «Искра» популярный пародист Дмитрий Минаев печатал стихи:

Поврежденный критик (*бредит*)
Да, гений он!..
Постой, постой!..
Кто – Бенедиктов?
К р и т и к:
Лев Толстой!..
Н е к т о:
Ты покраснел, я вижу... Дело!..
Болтать нельзя, без краски, зря.

Достоевский по первым впечатлениям от чтения назвал «Войну и мир» «помещичьей литературой» и только гораздо позже отдал дань этому великому произведению Льва Толстого.

Салтыков-Щедрин вовсе говорил, что этот роман «болтовня нянюшек и мамушек», что все военные сцены это «ложь и суета», а Багратион и Кутузов «кукольные генералы».

Тургенев тоже не сразу понял значение «Войны и мира»: «...как это всё мелко и хитро, и неужели не надоели Толстому эти вечные рассуждения о том, – трус, мол, я или нет? – Вся эта патология сражения? Где тут черты эпохи? Где краски исторические?» И лишь позже он скажет, что «в этом романе столько красот первоклассных, такая жизненность, и правда, и свежесть, что нельзя не согласиться, что с появлением «Войны и мира» Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями...»

В 1869 году ничто не предвещает, что Толстой станет учителем человечества, создателем нового религиозного движения. Впрочем, летом этого года по дороге в Пензенскую губернию его настигнет знаменитый «арзамасский ужас», предвестник будущего духовного переворота. Всё лето после рождения Лёвы он читает Шопенгауэра и Гегеля, но до собственных религиозно-философских открытий еще далеко, если не считать исторических рассуждений в «Войне и мире», которые меньше всего заинтересовали читателей и возбудили насмешки критиков.

Быть сыном просто писателя, даже известного писателя и при этом носить не только его фамилию, но и имя, это в порядке вещей. Это не исключает и того, чтобы самому стать писателем. Уже есть Александр Дюма-сын, почему бы не появиться Толстому-сыну? Но вот носить имя и фамилию не просто писателя, а властителя дум и чувств, великого проповедника, которого ставили рядом с Христом и Магометом, это совсем